

**Министерство Высшего и Среднего Специального Образования
Республики Узбекистан
Каракалпакский Государственный университет имени Бердаха**

Факультет иностранных языков

Кафедра русской филологии

КУРСОВАЯ РАБОТА

По предмету Русская литература XX века

**На тему: «Философская проблематика и система образов
рассказа Л.Андреева «Иуда Искариот»**

Выполнила: студентка 3 курса Искандарова Г.

Принял: Турсымуратов М.Т.

Нукус 2015

СОДЕРЖАНИЕ.

ВВЕДЕНИЕ

ГЛАВА I. Становление художественного метода Л.Андреева

1.1 Жизненный путь писателя

1.2 Место рассказа «Иуда Искарриот» в творчестве Л. Андреева

**ГЛАВА 2. Специфика философской проблематики и системы образов
рассказа Л.Андреева «Иуда Искарриот»**

2.3 Основные морально-нравственные идеи рассказа и характер их подачи в
рассказе

2.2. Своеобразие системы образов «Иуды искарриота»

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

ЛИТЕРАТУРА

ВВЕДЕНИЕ

Творчество Л. Андреева актуально для любого времени и любой эпохи, несмотря на то, что пик его популярности приходился на далекие 1902 - 1908 годы, когда были написаны и опубликованы основные произведения: «Жизнь Василия Фивейского» и «Тьма», «Иуда Искариот» и «Жизнь человека». Несомненно и то, что писатель был одним из самых издаваемых и читаемых авторов России. Его популярность была сравнима с популярностью Горького, по тиражам он вряд ли уступал Толстому и Достоевскому. Но даже в годы творческого расцвета Леонид Андреев продолжал оставаться объектом нападков критиков и самых разных публицистов, обвинявших его в анархизме и безбожии, в отсутствии чувства меры и в слишком пристальном внимании к психопатологии.

Социально-исторический и литературно-философский процессы ушедшего века косвенно оправдали парадоксальный и во многом провокационный метод Леонида Андреева, показали, что его как будто бы искусственный трагизм - свойство времени, а не произвол играющего художника. А потому, затрагиваемые писателем философские проблемы являются как отражением времени и эпохи, в которую он жил и творил, так и несут в себе концепцию «вечных» тем и общечеловеческих идей. Этим и характеризуется актуальность нашего реферата, поскольку в небольшом рассказе «Иуда Искариот» данная тема является центральной.

Об Андрееве написано достаточно много работ. При жизни Андреева о нем писали очень часто, особенно в 1903 - 1908 годах, когда его талант достиг кульминационной высоты.

Это прежде всего статьи Мережковского, Волошина и Блока, в творчестве которых философская проблематика также занимает видное место.

Советское литературоведение (конец 50-х - 80-е годы), несмотря на вынужденный социологический и идеологический контексты, стремилось к максимально объективному прочтению творчества Леонида Андреева и в

целом оценило его как талантливую художника, вполне адекватно переживавшего кризис своего времени и отразившего его в сложных, противоречивых образах на границе реализма и модернизма.

Интенсивно изучается творчество Л. Андреева и в 90-е годы прошлого века. Это: творчество Андреева в контексте русской классики; Андреев и XX век: проблема влияний и типологических контактов; Андреев и зарубежная литература: проблема единого мировоззренческого и эстетического пространства; философские основы андреевского метода; религиозный подтекст творчества Андреева; поэтика и ее лингвистические аспекты; творчество Андреева в современной российской школе.

Однако, несмотря на обилие работ, мы считаем, что Леонид Андреев - художник, творчество которого не может быть изучено до конца, как невозможно охватить разом всю философскую глубину его произведений. Поэтому нами и был выбран для анализа один из его рассказов «Иуда Искариот» как наиболее показательный для художественно-нравственной системы писателя.

Таким образом, *цель нашей работы* - анализ рассказа Леонида Андреева «Иуда Искариот» в контексте философской проблематики.

Объект изучения - философская проблематика рассказа Л. Андреева.

Предмет - постановка морально-нравственных вопросов в произведении.

Задачи:

- изучение основных периодов творчества Л. Андреева и выявление в нем места рассказа «Иуда Искариот»;
- рассмотрение евангельских истоков проблематики рассказа и их преломления в мировой культуре;
- анализ особенностей морально-нравственной позиции автора в рассказе;
- синтез выводов о художественной и философской ценности «Иуды Искариота».

ГЛАВА I. Становление художественного метода Л.Андреева.

1.1 Жизненный путь писателя.

Долгое время творчество и личность писателя Л. Андреева предавались забвению. А между тем, многогранная философская система писателя и его несомненный художественный талант явно не заслуживают пренебрежения. Кроме того, с первых шагов в литературе Леонид Николаевич Андреев вызвал острый и неоднородный интерес к себе. Начав печататься с конца 1890-х гг., к середине первого десятилетия XX в. он достиг зенита славы, стал чуть ли не самым модным писателем тех лет. Но известность некоторых его сочинений носила почти скандальный характер: Андреева обвиняли в склонности к порнографии, психопатологии, в отрицании человеческого разума

Бытовала и другая ошибочная точка зрения. В творчестве молодого писателя находили равнодушие к действительности, «устремленность к космосу». Тогда как все образы и мотивы его произведений, даже условные, абстрагированные, были рождены восприятием конкретной эпохи.

Непрекращающаяся полемика, пусть с перегибами в оценках, свидетельствовала о властном притяжении к Андрееву. Вместе с тем, конечно, и о неоднозначности его художественного мира.

Сложность собственных переживаний, контрасты внутренних побуждений дали Андрееву первое представление о взлетах и безднах человеческой души. Возникают мучительные вопросы о сущности жизни, интерес к философии, прежде всего трудам А. Шопенгауэра, Ф. Ницше, Э. Гартмана. Их смелые рассуждения о противоречиях воли и разума во многом усиливают пессимистическое мироощущение Андреева, вызывая тем не менее и полемические раздумья в пользу человека.

Интерес к общественным наукам приводит после окончания орловской гимназии на юридический факультет Московского университета. К тому времени Андреев (после смерти отца) становится главой семьи. По

окончании курса (1897) занимается адвокатской практикой и публикует судебные очерки, фельетоны, чаще в газете «Курьер».

С конца 1890-х гг. у Андреева завязываются контакты с писателями. Его первый рассказ «Баргамот и Гараська» (1898) высоко оценил М. Горький, привлек автора к сотрудничеству в известных журналах «Жизнь», «Журнал для всех», познакомил с членами литературного кружка, получившего название «Среды». Здесь Андреев сблизился со своими сверстниками Н. Телешовым, Ив. Буниным, А. Куприным, став одним из самых активных участников этих собраний. Успешно вошел Андреев и в творческий коллектив, сгруппированный Горьким под эгидой издательства «Знание».

И все же нельзя сказать, что Андреев обрел верных соратников. Начавшаяся теплая дружба с Горьким очень скоро обернулась резкими идейными разногласиями между ними. Бунину, Куприну тоже оказались чуждыми художественные искания Андреева. На какой-то период его творчество взволновало А. Блока; состоялось их знакомство, однако тесного общения не получилось. Писатель стал явственно ощущать пустоту вокруг себя. Растерянность Андреева была понятна: многих писателей реалистического направления - Чехова, Гаршина, Толстого, Достоевского - он высоко ценил как своих учителей; но он остро чувствовал и свою оторванность от литературных традиций XIX века. Новая эпоха - эпоха отчаяния и надежд - диктовала новое содержание его творчеству и требовала для этого содержания новых форм.

Андреев оставался равнодушным к социальным процессам, его интересовало их отражение во внутреннем бытии людей. Поэтому писателя упрекали в абстрактном истолковании важных общественных событий. А он создавал психологический документ эпохи.

Скоро, в феврале 1907 г., Андреев закончил повесть «Иуда Искариот и другие», где в корне переработанный библейский сюжет выразил его представление о смысле и характере развития мира. Связь «с общим, человеческим» состоялась, хотя волнения текущего времени забыты не были.

Необыкновенно глубокую, страстную и очень сложную вещь создал Андреев. Справедливо отнес ее к литературным шедеврам Луначарский. Проникновеннее всех об «Иуде Искарите» снова сказал Блок: «Душа автора - живая рана».

Первая русская революция принесла Андрееву глубокие - не без основания - разочарования, одновременно насытила его мечту, раздумья о мире и человеке новым содержанием, а творчество - яркими свершениями.

Неумолимо распадался взлелеянный писателем мир, отступали прежние светлые идеи. Болезненно была воспринята антигуманная волна в литературе. Для Андреева наступала трудная пора нового самоопределения.

Рассказы Андреева 1910-х гг. многотемны. Он писал об истоках внутреннего опустошения или бесконечной усталости, о гибели прекрасного в обстановке эгоизма и пошлости, о превратной судьбе человека.

Андреев с сочувствием отнесся к участию России в первой мировой войне. Андрееву казалось, что сражение с германским милитаризмом соединит всех для «общего блага и священной цели: человечности».

За пятилетие с 1912 по 1916 г. Андреев написал одиннадцать многоактных пьес и ряд сатирических миниатюр. Большинство из них отразило напряженные моменты внутренней жизни героев. В ряде случаев болезненным состояниям было сообщено самодовлеющее значение. Воздействие пошлой обыденности на человеческую душу приобрело космические размеры.

При жизни Л. Н. Андреева его называли декадентом, символистом, неореалистом - характер художественного миропостижения не был определен. Спустя десятилетия писателя стали сближать с экспрессионистами.

Наследие Андреева, постоянно подвергавшееся резким, обвинительным оценкам, - неотъемлемая часть русской культуры. Да и сам писатель, живя в Финляндии и оказавшись в эмиграции, не мог существовать вне родной атмосферы. Тоска ускорила его смерть.

Л. Андреев был и остается поэтической, романтической, эмоционально-импульсивной натурой, оригинальным и противоречивым художником-мыслителем, создавшим свой неповторимый художественный мир.

1.2 Место рассказа «Иуда Искарот» в творчестве Л. Андреева.

Творчество Л. Андреева и духовные, философские основы его позволяют выявить многие тенденции в литературно-художественной жизни России начала XX века. Андреева можно назвать одной из ярчайших фигур своего времени, он оставил оригинальный след в культуре. В его творческом методе причудливо переплелись традиционное и новаторское, реализм и новейшие веяния; художественный путь писателя отразил все основные приметы своей эпохи, стремившейся выработать цельное мироощущение, восстановить распавшуюся «связь времен». «Он синтез нашей эпохи, - сказал о нем его современник К.И. Чуковский, - под сильнейшим увеличительным стеклом». Действительно, такие особенности андреевского творчества, как стремление к интеграции литературы и философии, тяготение к притчеобразности и мифологизму, полное отрицание канонов существующих эстетических систем, позволяют говорить об андреевском феномене синтетизма, одновременно выражающем существенные тенденции всего искусства рубежа XIX - XX вв. Органическая связь художественных поисков Андреева с искусством своего времени и стала одной из причин, обусловивших интерес современных ученых к его фигуре.

Рассказ «Иуда Искарот» занимает в творчестве писателя особое место, именно его многие современники, коллеги по цеху и критики признавали художественной вершиной писателя.

Написан рассказ был в нелегкое для Андреева время, что также несомненно оказало влияние на глубину его идейно-проблемного плана. Закончен он был в 1907 году, а несколько раньше - 28 ноября 1906 - умерла горячо любимая жена писателя Александра Михайловна. Всего несколько

слов посвящения говорят нам очень много о том, что значила в жизни Андреева эта женщина. Вот как описывает Андреев В. В. Вересаеву свою жизнь на Капри, куда он уехал в декабре 1906 года: «...Для меня и до сих пор вопрос - переживу я смерть Шуры или нет,- конечно, не в смысле самоубийства, а глубже. Есть связи, которых нельзя уничтожить без непоправимого ущерба для души».

Первое, что написал Андреев на Капри и был рассказ «Иуда Искарот», замысел которого он вынашивал уже давно - с 1902 года. Поэтому не только событиями русской истории - поражением первой русской революции и отказом многих от революционных идей - вызвано появление этого произведения, но и внутренними импульсами самого Л. Андреева. С исторической точки зрения тема отступничества от былых революционных увлечений в повести присутствует. Об этом писал и Л. Андреев. Однако содержание рассказа, тем более с течением времени, выходит далеко за рамки конкретной общественно-политической ситуации.

Рассказ Леонида Андреева - это художественное философско-этическое исследование человеческого порока, а основной конфликт - философско-этический.

Если выстраивать героев Андреева в генеалогические цепочки, то прямым предшественником Иуды следует назвать Царя Ирода («Савва»), приблизившего себя к Христу муками самоистязания, вечной и страшной епитимьей в наказание за убийство собственного сына. Но Иуда сложнее Ирода. Он не просто хочет быть первым после Христа, чтобы упиваться горем своего предательства. Он хочет встать по крайней мере рядом с Христом, положив ему под ноги недостойный его мир.

В рассказе, созданном по евангелистскому сюжету, легко читается реакция Андреева на события текущего времени. Писатель доносит во всей их остроте свои чувства: ненависть к жестоким и ухищренным в политике властям (первосвященник Анна и его приспешники), болезненное восприятие темных бессознательных горожан и селян, иронию по отношению к части

интеллигенции, ищущей только для себя место под солнцем (ученики Иисуса), и - мечту о подвижниках, жертвующих собой во имя спасения человечества. Но конкретно-временные акценты лишь доля достигнутых в рассказе обобщений.

Надо отдать должное художественной смелости писателя, рискнувшего обратиться к образу Иуды, тем более попытаться понять этот образ. Ведь с психологической точки зрения понять означает в чем-то и принять. Леонид Андреев эту опасность, разумеется, предвидел. Он писал: рассказ «будут ругать и справа, и слева, сверху и снизу». И он оказался прав: акценты, которые были расставлены в его варианте евангельской истории («Евангелии от Андреева»), оказались неприемлемыми для многих современников, в числе которых был и Л. Толстой: «Ужасно гадко, фальшь и отсутствие признака таланта. Главное зачем?». В то же время высоко оценили рассказ М. Горький, А. Блок, К. Чуковский и многие другие.

Полярность оценок произведения Л. Андреева и его центрального героя в литературоведении не исчезла и в наши дни, и она вызвана двойственным характером образа андреевского Иуды.

Безусловно негативную оценку образу Иуды дает, например, Л. А. Западова, которая, проанализировав библейские источники рассказа «Иуда Искариот», предостерегает: «Знание Библии для полноценного восприятия рассказа-повести и постижения "тайн" "Иуды Искариота" необходимо в разных аспектах. Нужно держать в памяти библейское знание,.. - для того хотя бы, чтобы не поддаться обаянию змеино-сатанинской логики персонажа, чьим именем назвало произведение»

Иная точка зрения получила не меньшее распространение. Например, Б.С. Бугров утверждает: «Глубинным источником провокации [Иуды] оказывается не врожденная нравственная порочность человека, но неотъемлемое свойство его природы - способность мыслить. Невозможность отрешиться от "крамольных" мыслей и необходимость их практической проверки - вот внутренние импульсы поведения Иуды». Р. С. Спивак

утверждает: «Семантика образа Иуды в повести Андреева принципиально отличается от семантики евангельского прототипа. Предательство андреевского Иуды - предательство лишь по факту, а не по существу».

ГЛАВА 2. Специфика философской проблематики и системы образов рассказа Л.Андреева «Иуда Искарот»

2.1. Основные морально-нравственные идеи рассказа и характер их подачи в рассказе.

Философская повесть Андреева - о громадной роли творческого свободного разума в судьбах мира, о том, что самая великая идея без творческого участия человека бессильна, и о трагической субстанции творчества как такового.

Интерпретаторы повести Л. Андреева обычно проходят мимо особенностей поэтики, которые в произведениях усложненной структуры могут служить проводниками в лабиринт мысли автора. Поэтика повести Л. Андреева отчетливо сигнализирует читателю о структуре философского метажанра, особенности которой глубоко содержательны.

Основная сюжетная оппозиция повести Л. Андреева: Христос с «верными» ему учениками и Иуда - носит, как это и свойственно философскому метажанру, субстанциальный характер. Перед нами два мира с принципиально разными жизненными установками: в первом случае - на веру и авторитет, во втором - на свободный, творческий разум. Восприятию сюжетобразующей оппозиции как субстанциальной способствуют заложенные автором в образы, составляющие оппозицию, культурные архетипы.

В изображении Иуды узнаваем архетип Хаоса, маркированный автором с помощью ярко выраженной экспрессионистской (т. е. откровенно условной и жестко концептуализированной) образности. Она неоднократно находит воплощение в описании головы и лица Иуды, как бы разделенных на несколько несогласных, спорящих друг с другом частей, фигуры Иуды, то уподобляющей его серой груди, из которой вдруг высовывались руки и ноги, то вызывающей впечатление, что Иуда имел «не две ноги, как у всех людей, а целый десяток».

В этих и других зарисовках облика Иуды настойчиво повторяются закрепленные культурным сознанием за хаосом мотивы беспорядка, неоформленности, переменчивости, противоречивости, опасности, тайны, доисторической древности. Древний мифологический Хаос проступает в ночной тьме, которая обычно скрывает Иуду, в повторяемых аналогиях Иуды с рептилиями, скорпионом, осьминогом. Последний, воспринимаемый учениками как двойник Иуды, напоминает об исходном водном Хаосе, когда суша еще не отделилась от воды, и одновременно являет собой образ мифологического чудовища, населяющего мир во времена Хаоса. Иуда не отрицает своей связи с демоническими силами Хаоса - Сатаной, дьяволом. Непредсказуемость, загадочность Хаоса, потаенная работа стихийных сил, незримо готовящая их грозный выброс, являет себя в Иуде непроницаемостью его мыслей для окружающих. Неслучайно также, в плане ассоциации с Хаосом, с Иудой сопрягаются образы гор, глубоких каменистых оврагов. Иуда то отстает от всей группы учеников, то отходит в сторону, скатывается с обрыва, обдираясь о камни, исчезает из виду - пространство изрезанное, лежащее в разных плоскостях, Иуда движется зигзагообразно. Пространство, в которое вписан Иуда, варьирует тесно связанный с Хаосом в античном сознании образ страшной бездны, мрачных глубин аида, пещеры.

В описании же Иисуса с его учениками оживают все основные атрибуты архетипа Космоса: упорядоченность, определенность, гармония, божественное присутствие, красота. Соответственно семантизированной пространственной организацией мира Христа с апостолами: Христос всегда в центре - в окружении учеников или впереди их, задает направление движению. Мир Иисуса и его учеников строго иерархизирован и потому «ясен», «прозрачен», покоен, понятен. Фигуры апостолов чаще всего предстают читателю в свете солнечных лучей. Каждый из учеников - сложившийся цельный характер.

Но в авторской концепции повести архетипические параллели получают нетрадиционный смысл. В мифологическом и культурном сознании творение чаще связано с упорядочиванием и вместе - с Космосом, и гораздо реже Хаос получает положительную оценку. Андреев развивает романтическую трактовку амбивалентного Хаоса, чья разрушительная сила одновременно являет собой могучую жизненную энергию, ищущую возможность отлиться в новые формы. Она уходит корнями в одну из античных концепций Хаоса как нечто живого и животворного, основы мировой жизни, и древнееврейскую традицию видеть в Хаосе богоборческое начало. Русское культурное сознание начала XX века часто акцентирует в идее Хаоса творческое начало (В. Соловьев, Блок, Брюсов, Л. Шестов). И в Иуде Андреева Хаос заявляет о себе могучей силой субъективности, проявляющейся в блестящей логике и дерзкой творческой мысли, сокрушительной воле и жертвенной любви свободного бунтаря. В этой связи отношение автора к Иуде в повести Андреева принципиально отличается от отношения евангелистов и признанных авторов богословских сочинений (Д. Ф. Штрауса, Э. Ренана, Ф. В. Фаррары, Ф. Мориака) - как оценкой его роли в истории человечества, так и самой проблематикой его образа.

Противостояние Иуды Христу и будущим апостолам не идентично подсказываемой Библией антитезе зло - добро. Как и для других учеников, для Иуды Иисус - нравственный Абсолют, тот, кого он «в тоске и муках искал... всю... жизнь, искал и нашел!». Но андреевский Иисус надеется, что зло будет побеждено верой человечества в его Слово и не желает принимать в расчет реальность. Поведение Иуды продиктовано знанием реальной сложной природы человека, знанием, сформированным и проверенным его трезвым и бесстрашным разумом. Его «предательство», как он его задумывает, - последняя отчаянная попытка прервать сон разума, в котором пребывает человечество, разбудить его сознание.

Почему, по Андрееву, Иуда предал Христа? Евангельскую версию корыстного расчета Л. Андреев демонстративно отбрасывает. Легче

предположить, что именно разрешение Христа свободно брать деньги из общинной кассы подтолкнуло Иуду к предательству, так как делало бессмысленным его воровство и обман. Да и расточительную покупку драгоценного мира, которая, согласно Евангелию, послужила толчком к предательству, Иуда у Л. Андреева делает сам.

Может, тщеславие? Андреев говорил Горькому: «Он, брат, дерзкий и умный человек, Иуда... Знаешь, - если б Иуда был убежден, что в лице Христа пред ним сам Иегова, - он все-таки предал бы его. Убить Бога, унижить его позорной смертью, - это, брат, не пустячок!». Однако, нам кажется, Иуда слишком любит Христа, что бы желать унижить Его или насладиться Его унижением. Может быть, Л. Андреев говорил не о герое своей повести, а о развитии данного образа?

С.С. Аверинцев считал, что мотивом предательства андреевского Иуды была «мучительная любовь к Христу и желание спровоцировать учеников и народ на решительные действия».

Поступок Иуды Искариота во многом напоминает «акции» эсеров-террористов - современников Л. Андреева: то же пренебрежение своей и чужой жизнью, та же абсолютная уверенность в правоте собственных взглядов на мир, то же желание «подтолкнуть» историю, разбудить сонный и непонятливый народ.

Предательство Иуды, скорее, закономерный этап и последний аргумент в его споре с Иисусом о человеке. «Свершился ужас и мечты Искариота», он победил, доказав всему миру и, конечно, прежде всего Самому Христу, что люди недостойны Сына Божия, и любить их не за что, и только он, циник и изгой, единственный, доказавший свою любовь и преданность, должен по праву сидеть рядом с Ним в Царствии Небесном и вершить Суд, безжалостный и всеобщий, как Всемирный Потоп.

Так думает Иуда. А как считает автор? Л. Андреев называл царствие небесное «чепухой», говорил А.М. Горькому (который, правда, с ним не соглашался): «Я ... не люблю Христа и христианство, оптимизм - противная,

насквозь фальшивая выдумка». Если приведенные слова соотнести с повестью, то мы вправе предположить, что, по Андрееву, явление Христа народу было никому не нужным, ибо Его «фальшивый оптимизм» не способен изменить природу человека, а может лишь возвысить его ненадолго, как ветер, поднимающий сор. Иуда же - трагическая личность, потому что, в отличие от апостолов Христа, понимает все это, но, в отличие от Анны и ему подобных, способен плениться неземной чистотой и добротой Иисуса Христа. Отсюда следует, что автор повести «смело перекраивает двухтысячелетние образы, чтобы с ними перекроить сознание читателя, заставить его пережить открытую автором бессмыслицу и возмутиться ею».

Поступок Иуды никому ничего не доказал: в Синедрионе его осмеяли - их он не обманул, они знали, кого распяли; а для учеников Христа он остался тем, кем, по сути, и был - предателем, виновным в гибели их Учителя. «Почему же вы живы, когда он мертв? - бросает Иуда упрек ученикам Христа. - ... вы на себя взяли весь грех». Это иудина правда. Но нам, как и современникам Л. Андреева, хорошо известно, что Библия не заканчивается смертью Искарриота. Завершающие тексты Нового Завета и Священное Предание посвящены как раз истории возникновения христианства, которую начинали именно апостолы Христа, большинство из которых поплатились за свое миссионерство мученической смертью. Значит, правота Искарриота не абсолютна. Более того, объявляя постыдное естественным, а совесть лишней, цинизм разрушает систему нравственных ориентиров, без которой человеку трудно жить. Вот почему позиция андреевского Иуды дьявольски опасна.

Идейный тупик главного героя повести Л. Андреева предопределил и его личную трагедию, ибо его эгоистичный, человеконенавистнический путь к Христу не мог привести к иному финалу. Да, Иуда был способен любить, пусть и одного Иисуса. Но любовь циника, как поцелуй Демона, оказалась в итоге смертельно опасной для Христа и ненужной для всех остальных.

Смерть его никого не тронула, а это значит, что и жизнь его была никому не нужна.

Таким образом, отношения Искарюта и Иисуса в произведении Андреева остаются загадкой, происходит соединение прекрасного и безобразного. Предатель любит учителя и стремится доказать Христу свою правоту. Андреев пишет о том, что именно провокации, отношения с другими апостолами заставили Иуду обмануть всех и отдать в руки служителям «невинного».

В произведении Андреева отношения Предателя и других учеников Христа показаны неоднозначно. Так же, как и в евангельском тексте, у Андреева их двенадцать. Но в самом рассказе «Иуда Искариот» Андреев представляет читателю лишь пятерых учеников, чьи образы играют определенную, довольно важную роль в произведении. Апостолы в тексте Андреева совершенно разные: у каждого свой характер, свое видение мира, свое особое отношение к Иисусу. Но всех их объединяет одно - любовь к своему учителю и... предательство.

Ученики недолюбливают Иуду, так как не понимают его, видят его неоднозначность: «И у воров есть друзья, и у грабителей есть товарищи, и у лжецов есть жены, которым говорят они правду, а Иуда смеется над ворами, как и над честными, хотя сам крадет искусно, и видом своим безобразнее всех жителей в Иудее».

Таким образом, Иуду и остальных учеников объединяет еще один общий признак - все они в разной степени характеризуются наличием темного, непросветленного, недохотворенного начала, в противоположность Иисусу. Но только Иуда не скрывает свою двойственность, свое «уродство», свои темные стороны. Этим он выделяется на фоне других учеников. Петр, Иоанн не имеют своего мнения. Они делают то, что им говорят. Всем, кроме Иуды, важно то, что о них подумают. Они зависят не только от мнения учителя (когда Иисус сказал, что Иуда может брать деньги, они не стали с этим

спорить), но даже у Иуды они спрашивают, кто будет первым учеником Иисуса.

Парадоксально, но сам Иуда предавал для того, чтоб все узнали, что Иисус «невиновен и чист». Зачем же он так настойчиво пытается оклеветать своего любимого Учителя? Иуда делает это сознательно: возможно, в глубине души он надеется на чудо - спасение Иисуса, - он хочет обмануться. А возможно, он предает, чтобы открыть остальным ученикам глаза на себя и заставить их измениться - ведь он настойчиво предлагает им пути ко спасению Иисуса.

Итог оказался не таким, каким его хотел видеть Искарriot. Иисус умирает прилюдно. Ученики, отрекшись от учителя, становятся апостолами и несут свет нового учения по всему миру. Иуда-предатель предает и обманывает, в конечном счете, самого себя.

Таким образом, взаимоотношения между Иудой и другими учениками Христа не только раскрывают многие качества его личности, но и во многом объясняют причины его предательства.

Андреев описывает смерть Иуды «на горе, высоко над Иерусалимом». Речь героя, обращенная к умершему Иисусу, перенасыщена вопросительными предложениями: «Ты слышишь, Иисус? Теперь ты мне поверишь? Я иду к тебе. Я очень устал...Но, может быть, ты и там будешь сердиться на Иуду из Кариота? И не поверишь? И в ад пошлешь? Ну что же! Я пойду и в ад! И на огне твоего ада я буду ковать железо и разрушу твое небо. Хорошо? Тогда ты поверишь мне?»

Предатель в рассказе «Иуда Искарriot» еще до своего страшного поступка знает место, где умрет. Он избрал «одно дерево, кривое, измученное ветром. Одну из своих обломанных кривых ветвей оно протянуло к Иерусалиму, как бы благословляя его или чем-то угрожая». На этой ветке Искарriot собирался сделать петлю. Значит, предатель, идя на преступление, заранее знает исход. Андреев неоднократно подчеркивает, что Искарriot «охотно признавался, что иногда лжет и сам, но уверял с клятвой, что другие лгут еще больше, и если есть в мире кто-нибудь обманутый, так это он». Так, «боясь» быть обманутым

вновь, Иуда в последние минуты своей жизни задумывается о том, что даже веревка может предать его.

Предательство Иуды в повести Андреева - предательство по факту, но не по идее. Андреевская интерпретация Иудиного предательства вновь обнажала актуальную с XIX века для русского общественного сознания проблему соотношения цели и средств, казалось, закрытую Достоевским.

Сюжет повести Андреева несет в себе историческое оправдание Иудиному предательству. И молчание андреевского Христа иное, чем молчание Христа Достоевского. Место кротости и сострадания в нем занял вызов - реакция на равного. Христос Андреева, как и Христос Достоевского, тоже не позволяет себе нарушить молчание, но по другой причине: не считает нравственным канонизацию никакого одного (на всех и навсегда) разрешения проблемы.

В сознании современников серебряного века вечная проблема соотношения цели и средств трансформировалась в оппозицию: творчество - мораль. Так она поставлена и в повести Андреева. На фоне тенденции героизировать творческий акт Андреев возвращается к концепции трагической природы творчества, выявляющейся в его отношении к морали. В изображении Андреевым предательства Иуды Искарриота оживают хорошо известные культурному читателю романтические мотивы душевного смятения, безумия, отверженности и гибели творца, окружающей его тайны, его inferнальности. В отличие от предательства апостолов, принадлежащего эмпирике жизни (оно даже не было замечено очевидцами событий), предательство Иуды помещено автором в сферу субстанциального.

Изображение предательства Иуды в повести Андреева несет в себе все признаки трагедии, зафиксированные известными эстетическими системами Гегеля, Шеллинга, Фишера, Кьеркегора, Шопенгауэра, Ницше. Среди них - гибель героя как следствие его вины, но не отрицания того принципа, во имя которого он погибает, и как знак победы «моральной субстанции в целом»; противоречие между стремлением к свободе и необходимостью устойчивости целого при равной их оправданности; сила и определенность

характера героя, который в трагедии нового времени заменяет судьбу; историческая оправданность вины героя и резиньяция героя как следствие просветления страданием; ценность самосознающей рефлексивной субъективности героя в ситуации нравственного выбора; борьба аполлоновского и дионисийского начала и др. Перечисленные особенности трагедии маркированы разными эстетическими системами, подчас отрицающими друг друга; в повести же Андреева они служат одному целому, и их синтез характерен для творческого метода писателя. Но трагическая коллизия не предполагает однозначной нравственной оценки - оправдания или обвинения. Ей присуща иная система определений (величественное, значительное, памятное), которые подчеркивают большой масштаб событий, составляющих трагическую коллизию, и особую силу их воздействия на судьбы мира.

Трагическая коллизия, коей предстает перед читателем предательство Иуды Искарриота в повести Андреева, не пример для подражания и не урок предостережения, она в сфере не действия, а внутренней работы духа, вечный предмет осмысления во имя самопознания человека.

2.1. Своеобразие системы образов иуды искарриот

Первоначально, в ее первой публикации в "Сборнике товарищества "Знание"" за 1907 год, повесть называлась "Иуда Искарриот и другие", — очевидно, те, на ком лежит ответственность за крестную смерть Христа. В числе "других" оказываются и апостолы — ученики Иисуса.

Многие характеристики "и другим" даны Иудою, и потому они не могут быть признаны справедливыми, утверждает Л.А. Западова: "Он, который "так искусно перемешивал правду с ложью", Богом уполномочен быть не может. Поэтому он лжепророк — какой бы страстной и искренней ни казалась его речь"¹. Конечно, оптика зрения Иуды и его оценки не являются в произведении окончательными. Однако очевидно также, что нередко авторский обличительный голос звучит в унисон с голосом Иуды — судьи и

обличителя "других", физические² точки зрения центрального героя и автора-повествователя совпадают.

Почему, при том, что тема "и других" в повести звучит совершенно отчетливо и недвусмысленно, Л. Андреев отказался от названия "Иуда Искарот и другие" и остановился на более нейтральном "Иуда Искарот"? Дело, видимо, в том, что отвергнутый вариант названия не был лишен прямолинейности; он выдвигал на первый план именно тему ответственности "и других" (поскольку предательство самого Иуды уже не являлось новостью для читателя). Вина "и других" все же — это периферийная тема в повести, в центре ее находятся два персонажа: Иуда Искарот и Иисус Христос, и их загадочная, таинственная роковая непостижимая связь, свой вариант разгадки которой и предлагает писатель.

Прежде, чем перейти к заглавному герою — образу андреевского Иуды Искарота, обратимся к тому, кто является первоначалом всех событий — образу Христа в трактовке Леонида Андреева, предполагая, что и этот образ здесь также будет являть собой отступление от канонической традиции.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ.

Леонида Андреева читают уже целое столетие. Пик его популярности пришелся на 1902 - 1908 годы, когда были написаны и опубликованы основные произведения: «Жизнь Василия Фивейского» и «Тьма», «Иуда Искарот» и «Жизнь человека». Андреев был одним из самых издаваемых и читаемых авторов России. Его популярность была сравнима с популярностью Горького, по тиражам он вряд ли уступал Толстому и Достоевскому. Но даже в годы творческого расцвета Леонид Андреев продолжал оставаться объектом нападок критиков и самых разных публицистов, иронично отрицавших качество его прозы и драматургии. Андреева обвиняли в анархизме и безбожии, в отсутствии чувства меры и в слишком пристальном внимании к психопатологии.

Годы, прошедшие после смерти писателя, показали, что интерес к нему не был случайностью, не был волей читателя, стремящегося к массовой культуре. Сейчас можно сказать, что андреевское творчество - мост между XIX веком, прежде всего художественным мировоззрением Достоевского, и творческими исканиями XX века. В течение многих лет литературоведы пытаются терминологически определить метод Андреева. Его называли реалистом и символическим реалистом, декадентом и экспрессионистом, экзистенциалистом и символистом. Видимо, такое многообразие определений свидетельствует о том, что нет смысла в поисках одного-единственного термина, отражающего суть поэтики. Андреевский художественный мир -- предчувствие и предвестие эстетических систем столетия, искания и страдания его героев - пророческий знак грядущих катастроф, многие из них происходят в сфере сознания. Социально-исторический и литературно-философский процессы ушедшего века косвенно оправдали парадоксальный и во многом провокационный метод Леонида Андреева, показали, что его как будто бы искусственный трагизм - свойство времени, а не произвол играющего художника.

Рассказ Л. Андреева «Иуда Искариот» - произведение, которое, безусловно, заслуживает серьезного разговора и по своим художественным достоинствам и по актуальности поставленных там проблем. И сто и тысячу лет назад мы задаем себе все те же вопросы: что правит миром, добро или зло, истина или ложь? можно ли, нужно ли жить праведно в неправедном мире, когда точно знаешь, что строго соблюдать прекрасные христианские заповеди невозможно? Перед нами, таким образом, интереснейшее художественное исследование, осмыслить которое в полной мере непросто. Например, из-за присущего автору «космического пессимизма». Особенность повести «Иуда Искариот» как раз и состоит в том, что в ней автор полемизирует с самим собой, проверяя на прочность «дьявольское» неверие в человека верой Самого Иисуса. Есть и другая очевидная сложность - необходимость знания Первоисточника - Евангелия, его толкований и оценок, популярных в те годы.

Иуда Андреева - классический трагический герой, со всем набором положенных ему признаков: противоречием в душе, чувством вины, страданием и искуплением, незаурядным масштабом личности, героической активностью, бросающей вызов судьбе.

ЛИТЕРАТУРА.

1. Аверинцев С.С. Иуда Искариот// Мифы народов мира: Энциклопедия: В 2 т. М., 1990. Т.1.
2. Андреев Л.Н. Иуда Искариот// Проза. - М.: Издательство АСТ, 2003.
3. Бабичева Ю.В. Библейские образы в пространстве русской художественной литературы// Русская культура на пороге третьего тысячелетия: Христианство и культура. - Вологда: «Легия», 2001.
4. Басинский П.В. Комментарии // Андреев Л.Н. Проза. Публицистика, - М.:ООО «Фирма» Издательство АСТ», 1999.- (Серия «Школа классики» - ученику и учителю).
5. Блок А. Памяти Леонида Андреева // Блок А. Собр. соч. В 6 т. Т. 5. М., 1971.
6. Бродский М. «Вечные вопросы» человеческого бытия в повести Леонида Андреева «Иуда Искариот» // Школьная библиотека. - 2002. - № 1.
7. Булгаков С. Н. Иуда Искариот - апостол-предатель // Булгаков С.Н.Труды о Троичности. - М., 2001.
8. Западова Л. А. Источники текста и «тайны» рассказа-повести «Иуда Искариот» // Русская литература. - 1997. - № 3.
9. Михайлов С. Оправдание Иуды, или Двенадцатое колесо мировой колесницы: Апокрифическое исследование // <http://www.skrijali.ru/>
10. Михеичева Е. А. Художественный мир Леонида Андреева // Литература в школе. -- 1998. - № 5.
11. Спивак Р. С. Феномен творчества в осмыслении русской литературы начала XX века: («Иуда Искариот» и «Самсон в оковах» Л. Андреева) // Филологические науки. - 2001. - № 6.